

Х. Арендт

ЛЕКЦИИ
ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ФИЛОСОФИИ КАНТА¹

Лекция вторая

В первой лекции я уже говорила, что для Канта в конце его жизни оставались нерешенными два вопроса. Первый из них можно обобщить или, если быть точнее, обозначить при помощи понятия «общительности» людей. Имеется в виду тот факт, что никто не может жить один, что люди зависят друг от друга не только в своих потребностях и заботах, но также и относительно своей высшей способности — человеческого духа, — который вне человеческого общества не может реализовать себя. «Хорошее общество» для «мыслящих не лишне»². Это представление является ключом к первой части «Критики способности суждения». То, что «Критика способности суждения», или «критика вкуса», была написана в качестве ответа на остававшийся открытым вопрос из докритического периода, является очевидным. Как и «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного», эта «Критика» подразделяется на «прекрасное» и «возвышенное». Уже в более ранней работе³, которая читается так, как если бы она была написана французским моралистом, вопрос «общительности», «хорошего общества» был ключевым вопросом, хотя и не в той же мере, как в более поздней работе⁴. Кант пишет в ней о фактическом опыте, который скрывается за «проблемой». Этот опыт был, если не принимать во внимание реаль-

¹ Продолжение, начало см.: Кантовский сборник. Калининград, 2009. 1(29). С. 122—128. Перевод с английского выполнен по изданию: *Arendt Hannah. Lectures on Kant's Political philosophy* / ed. and with an interpretative essay by Ronald Beiner. Chicago, 1982 и сверен по немецкому изданию: *Arendt Hannah. Das Urteilen. Texte zu Kants politische Philosophie* / Herausgegeben und mit einem Essay von Ronald Beiner. Aus dem Amerikanischem von Ursula Ludz. München, R. Piper, 1985. Все дальнейшие примечания к данному тексту принадлежат переводчику. — *Прим. ред.*

² *Kant. Reflexionen zur Anthropologie*. Nr. 763 // *Kants gesammelte Schriften*, Bd. 15. S. 333.

³ Имеются в виду «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного».

⁴ То есть в «Критике способности суждения».

ную общественную жизнь молодого Канта, своего рода мысленным экспериментом. Эксперимент протекает следующим образом:

(сновидение Каразана): «Этот скупой богач по мере роста своих богатств все больше делал для себя недоступным чувство сострадания и любви к ближнему. Между тем, чем больше охладевала в нем любовь к человеку, тем более усердно он молился и соблюдал обряды. И вот после этого признания он продолжает следующим образом: «Однажды вечером, когда я при свете лампы производил свои расчеты и составлял смету своих торговых прибылей, мной овладел сон. В этом состоянии увидел я спускающегося ко мне подобно вихрю ангела смерти; он начал меня бить, прежде чем я успел отвлечься молитвами страшный удар. Я оцепенел, поняв, что моя судьба решена на вечные времена и что ко всему доброму, что я совершил, ничего уже не могло быть прибавлено, а от содеянного мной зла ничего уже не могло быть отнято. Я был подведен к престолу того, кто обитает на третьем небе. Из сияния, пылавшего предо мной, ко мне были обращены слова: «Каразан, твое служение Богу отвергнуто. Для тебя стала недоступна любовь к человеку, ты железной рукой держал свои сокровища. Ты жил только для себя, а потому и в будущем ты вечно должен жить в одиночестве, без всякого общения со всем сотворенным». В это мгновение я какой-то невидимой силой был сорван с места и унесен дальше через величественное мироздание. Бесчисленные миры скоро остались позади меня. Когда я приблизился к самому краю мира, я заметил, что тени безграничной пустоты спускались предо мной в необъятную глубину. Страшное царство вечной тишины, одиночества и мрака! Невыразимый ужас объял меня при виде этого.

Мало-помалу я потерял из виду последние звезды, и наконец в совершенной темноте потухло и последнее мерцающее сияние света. Смертельный ужас отчаяния усиливался с каждым мгновением, и в такой же мере я с каждым мигмом удалялся от обитаемого мира. С нетерпимой тоской я думал о том, что если бы даже в течение десятков миллионов лет эта сила несла меня все дальше за пределы всего сотворенного, я и тогда все равно продолжал бы смотреть в бездонную пропасть тьмы без всякой помощи или надежды когда-либо вернуться назад. В этом состоянии оцепенения я с такой силой простер свои руки к предметам действительности, что в этот момент проснулся. И вот с тех пор я понял, что должно глубоко уважать людей: ведь даже самого ничтожного из тех, кого я, успокоенный своим счастьем, гнал от дверей своего дома, я в той страшной пустоте, несомненно, предпочел бы всем сокровищам Голконды»⁵.

Второй, оставшийся нерассмотренным, вопрос является центральным для второй части «Критики способности суждения», которая так сильно отличается от первой, что недостаток у книги единства всегда давал повод к толкованиям. (Боймлер, например, вопрошает, представляет ли она вообще нечто более чем «старческую причуду»⁶). Этот второй вопрос, как он ставится в §67 «Критики способности суждения», гласит: «Почему же нужно, чтобы существовали люди?» И этот вопрос также является разновидно-

---

⁵ *Kant I.* Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного // Кант И. Соч.: в 8 т. Т. 1. М., 1994. С. 14–15.

⁶ *Bäumler A.* Kants Kritik der Urteilskraft. Ihre Geschichte und Systematik. Bd.I: Das Irrationalitätsproblem in der Ästhetik und Logik des 18. Jahrhunderts bis zur Kritik der Urteilskraft, Halle 1923, Nachdruck Tübingen: Niemeyer, 1967. S.15.

стью нерешенной проблемы. Все вы знаете три знаменитых вопроса, ответы на которые, согласно Канту, составляют подлинную задачу философии: «Что я могу знать? Что я должен делать? На что я могу надеяться?» В своих лекциях он обычно добавлял к этим трем вопросам четвертый: «*Что такое человек?*» И объясняет это так: «На первый вопрос отвечает метафизика, на второй — мораль, на третий — религия, а на четвертый — антропология. В принципе, можно было бы все это отнести к антропологии, поскольку первые три вопроса сводятся к последнему»⁷. Этот вопрос можно, очевидно, соотнести с другим, который задавали Лейбниц, Шеллинг, Хайдеггер: почему существует нечто, а не ничто? Лейбниц называет его «первым вопросом, на который мы имеем полное право» и добавляет: «Ибо ничто проще и легче, чем нечто»⁸. При этом должно было быть очевидным, что как бы вы ни формулировали этот *почему-вопрос*, каждый ответ на него, который начинается с *Потому, что*, будет звучать смешно, да и действительно будет смешным. Так как *почему* вопрошает в действительности не о причине, как например в следующих вопросах: Как возникла жизнь? Как образовалась Вселенная (в результате Большого взрыва или нет)? Скорее оно вопрошает о том, с какой *целью* все произошло, и «цель существования природы следует искать за пределами самой природы»⁹, цель жизни — за пределами самой жизни, цель Вселенной — за пределами Вселенной. Эта цель, как и любая другая цель, должна быть чем-то большим, чем природа, жизнь или Вселенная, которые посредством этой постановки вопроса низводятся до средств для чего-то более значимого, чем они сами. (Когда Хайдеггер, в поздний период своей философии, снова и снова пытается установить определенного рода связь человека и бытия, в которой оба друг друга обусловливают и предполагают — бытие, которое взывает о человеке; человек, который становится хранителем или «пастырем» бытия; бытие, которое нуждается в человеке для своей собственной явленности; человек, который не только нуждается в бытии, для того чтобы вообще существовать, но который охвачен своим собственным бытием, так как никакая другая целостность [сущего], никакая другая живущая вещь не существует¹⁰ и т.д., то он это делает для того, чтобы избежать этого рода взаимной деградации, как она в подобных всеобщих *почему-вопросах* содержится, а не парадоксальности всех мыслей о ничто.)

Собственная точка зрения Канта относительно этой трудной и запутанной проблемы, согласно второй части «Критики способности суждения», могла бы быть следующей: мы ставим такие вопросы, как «Что есть цель природы?», только потому, что мы сами являемся целеполагающими существами [Ziel-Wesen], т.е. существами, которые постоянно находят для себя цели, и, как такие интенциональные существа, подчиняемся природе. В этом смысле можно было бы на вопрос, почему мы обременяем себя такими очевидно неразрешимыми вопросами, как «Есть ли у мира или у Универсума начало, или он существует вечно, как и сам Бог?», дать сле-

⁷ Kant I. Logik. Ein Handbuch zu Vorlesungen, A 25 (Kant-Werke, Bd. 5, S. 448). Арендт ссылается на кантовские «Лекции о метафизике».

⁸ Leibniz Gottfried von. Principes de la Nature et de la Grâce, fondes en raison (1714), par. 7.

⁹ Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Соч.: в 8 т. Т. 5. С. 219.

¹⁰ Ср., например: Heidegger M. Über den Humanismus (Briefe an Jean Beaufret). Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1949.

дующий ответ: начинать нечто — коренится в нашей исконнейшей природе, и поэтому в течение всей нашей жизни мы создаем начала.

Все же вернемся к «Критике способности суждения». Связующие звенья между ее обеими частями слабы, но в том виде, как они есть — т.е. как относительно них можно предположить, что они существовали в представлении Канта — они теснее связаны с политическим, чем еще с чем-либо в остальных «Критиках». Существуют два важнейших связующих звена. Первым является то, что Кант ни в одной из частей не говорит о человеке как о наделенном разумом или познающем существе. Слово «истина» не встречается нигде, кроме одного-единственного раза, да и то в весьма специфическом контексте. В первой части речь идет о людях в множественном числе, о том, каковы они в действительности и как существуют в обществе; вторая часть высказывается о человеческом роде. (Кант подчеркивает это, в то время как к недавно цитировавшемуся мной вопросу «Почему же необходимо, чтобы существовали люди?» он добавляет, что «если, например, держать в мыслях жителей Новой Голландии или [других примитивных племен], то нелегко найти ответ на этот вопрос»¹¹). Решающим отличием «Критики практического разума» от «Критики способности суждения» является то, что моральные законы первой имеют значимость для всех наделенных разумом существ, в то время как значимость правил последней ограничена и имеет значение только для человеческих существ на Земле. Второе связующее звено заключается в том факте, что способность суждения имеет дело с конкретным предметом [particular], который «в качестве такового содержит в отношении всеобщего нечто случайное»¹² и с которым обычно имеет дело мышление. Эти конкретные предметы, в свою очередь, делятся на два вида; первая часть «Критики способности суждения» занимается, собственно говоря, объектами суждения, такими, как, например, объект, который мы называем «прекрасным», не будучи в состоянии подвести этот объект под всеобщую категорию красоты как таковой; у нас нет правила, которое можно было бы применить в данном случае. (Если вы говорите: «Что за прекрасная роза!», то вы не приходите к этому суждению, высказав сначала: «Все розы прекрасны, этот цветок — роза, поэтому эта роза прекрасна». Или, наоборот: «Красота — это розы, этот цветок — роза, следовательно, этот цветок прекрасен». Другой аспект особенного, который рассматривается во второй части «Критики способности суждения», заключается в невозможности вывести какое-либо конкретное творение природы из всеобщих причин... “и ни один конечный разум, схожий с нашим по своему качеству, насколько бы он не превосходил его по своей степени, не может надеяться понять возникновение даже самой ничтожной травинки, исходя только из механических причин»¹³. (Слово «механический» указывает в языке Канта на «природные» причины — в противоположность «техническому», которое для него имеет значение «искусственный», т.е. произведенный с намерением, с определенной целью. Речь идет о различии между вещами, которые происходят сами по себе, и теми, которые произведены для определенной цели или назначения.) Ударение в ци-

¹¹ Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Соч.: в 8 т. Т. 5. С. 220.

¹² Там же. С. 245.

¹³ Там же. С. 252.

тате падает на «понять»: как я могу понять (а не только объяснить), что трава вообще и, сверх того, — этот особый стебелек травы существует? Решение Канта состоит в том, что для исследования «особых» законов природы он вводит телеологический принцип, «принцип целей в продуктах природы» как «эвристический принцип», «даже если он и не делает нам понятнее их возникновение»¹⁴. Мы не занимаемся здесь этим разделом кантовской философии, в котором, строго говоря, речь идет не о суждении о данном конкретном предмете, темой его является природа, хотя Кант, как мы это в дальнейшем увидим, понимает историю как часть природы, это — история человеческого рода, в той мере, в какой он является одним из видов животных на этой Земле. Все же цель этого раздела — скорее обнаружение принципа познания, а не принципа суждения. Тем не менее вам должно быть ясно, что вы — точно так же, как вы можете задать вопрос: «Почему необходимо, чтобы человек вообще существовал?» — можете вопрошать и далее, почему необходимо, чтобы существовали деревья или стебельки травы и т.д.

Другими словами, темы «Критики способности суждения»: конкретный предмет, независимо от того является ли он фактом природы или событием в истории; способность суждения как способность человеческого духа иметь дело с конкретным предметом; общительность людей как условие осуществления этой способности, т.е. понимание того, что люди зависимы от своих ближних, не только потому, что они обладают телами и физическими потребностями, но именно по причине их духовных способностей — все эти темы, имеющие исключительное значение для понимания политического, занимали Канта задолго до того, как он в конце концов по окончании своего критического дела (*das kritische Geschäft*) обратился к ним в старости. Ради них он отложил «доктринальную» часть своего учения, к которой хотел приступить, «чтобы по возможности использовать еще отведенное мне в моем преклонном возрасте время»¹⁵. Эта доктринальная часть должна была содержать «метафизику природы и нравов»: в ней не могло быть места «никакой особой части для способности суждения», потому что суждения о конкретных предметах (*это — прекрасно; это — безобразно; это — истинно; это — ложно*) не имеют места в кантовской философии морали. Способность суждения — это не практический разум; практический разум рассуждает и повелевает мне, что следует делать и чего делать не следует; он предписывает закон и тождественен с волей, а воля дает приказания, она говорит императивами. Способность суждения возникает в противоположность этому из «чистого созерцательного удовольствия» или «бездеятельного наслаждения (*untätiges Wohlgefallen*)»¹⁶.

«Чувство созерцательного удовольствия мы называем вкусом»¹⁷ и «Критика способности суждения» должна была бы первоначально называться «Критикой вкуса». О вкусе «будет в практической философии идти речь не как о *имманентном* понятии, а разве лишь как о *привходящем*»¹⁸. Разве не

¹⁴ Кант И. Критика способности суждения. С. 283.

¹⁵ Там же. С.9.

¹⁶ Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Соч.: в 8 т. 1994. Т. 6. С. 232.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

звучит это очевидно? Как могло «созерцательное удовольствие или бездейтельное наслаждение» иметь нечто общее с практикой? Разве это не доказывает это окончательно, что Кант, когда он обратился к доктринальному занятию, решил, что его занятие конкретным и случайным было делом прошлого и к тому же делом до некоторой степени маргинальным? И все же мы увидим, что кантовская окончательная оценка Французской революции — события, которое в последние годы его жизни играло центральную роль, когда он день за днем с большим нетерпением ожидал газет, — определялась этой позицией чистого наблюдателя. Имеется в виду позиция тех, «кто сам в эту игру не впутывался», но следовал ей только с «участием согласно желанию, которое близко граничит с энтузиазмом», что, конечно, не означало (и уж совсем не для Канта), что они и сами хотели бы устроить революцию. Их участие проистекает из «чистого созерцательного удовольствия и бездейтельного наслаждения».

Лишь один элемент в поздних текстах Канта по этой теме мы не можем возвести к докритическому периоду. Нигде мы не находим однозначного указания на то, что в ранний период своего творчества он интересовался конституционно-правовыми вопросами. Но именно этот интерес был господствующим в последние годы его жизни, когда он и написал почти все свои в собственном смысле политические работы. Они были написаны после 1790 года, когда вышла в свет «Критика способности суждения», и, что еще примечательнее, после 1789 года, года начала Французской революции, когда Канту было 65 лет. С этого момента его интерес был более направлен не только на конкретное, историю или человеческую общительность. В центре находилось теперь скорее то, что мы сегодня назвали бы государственным и конституционным правом, т.е. способ, каким должна быть организована и составлена политическая система, понятие «республиканского», т.е. сообразного с конституцией, правления, вопрос международных отношений и т.д. Первое предзнаменование этого изменения можно обнаружить в примечании к § 65 «Критики способности суждения». В нем Кант ссылается на американскую революцию, к которой он проявлял живой интерес. Он пишет: «Так, при предпринятом недавно полном преобразовании великого народа в государство часто очень удачно пользовались словом *организация* для обозначения магистратов и т.п., даже всего государственного аппарата. Ибо каждое звено такого целого должно быть не только средством, но и целью и, содействуя возможности целого, определяться идеей целого по своему месту и своей функции»¹⁹.

Именно вопросом о том, как сделать некий народ государством, как обустроить государство и как основать федеративное государство — и всеми правовыми проблемами, которые с этим связаны, — постоянно занимался Кант в последние годы своей жизни. Не то чтобы интерес к уловке природы или к чистой общительности людей полностью исчез. Напротив, произошла настоящая перемена, или, лучше сказать, она проявилась в новых и неожиданных формулировках. Так, в «Вечном мире» мы находим примечательный параграф, который устанавливает «*Besuchsrecht*» — право посещать чужие страны, право на гостеприимство и «право на временное пребывание в них». В этом же трактате мы находим природу, «великую в

---

¹⁹ Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Соч.: в 8 т. Т. 5. С. 126.

своём искусстве», которая даёт «гарантию вечному миру»²⁰. Если не принимать во внимание этого нового увлечения, то показалось бы невероятным, что Кант мог начать «Метафизику нравов» с «Учения о праве». Также показалось бы невероятным и то, что он в конце жизни мог сказать (во втором разделе «Спора факультетов», последний раздел которого даёт ясные доказательства его духовного упадка): «Очень заманчиво мыслить такие конституции (*Es ist so süß sich Staatsverfassungen auszudenken*)... «сладкая мечта», чье исполнение «не только мыслимо, но и ... есть долг [разумеется] не граждан, но главы государства»²¹.

Перевод с англ. А.Н. Саликова

О переводчике

Саликов Алексей Николаевич – канд. филос. наук, ассистент кафедры философии и логики Российского государственного университета имени Иммануила Канта, salikov123@mail.ru.

---

²⁰ Кант И. К вечному миру // Иммануил Кант. Соч. на немецком и русском языках: в 4 т. Т. 1. М., 1993. С. 405.

²¹ Кант И. Спор факультетов. Калининград, 2002. С. 218.